

01144

БИБЛИОТЕКА ПИСАТЕЛЕЙ
ДЛЯ ШКОЛЫ И ЮНОШЕСТВА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Е. Ф. НИКИТИНОЙ

РУССКИЕ КРИТИКИ
В МАРКСИСТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Д. И. ПИСАРЕВ

„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“

01147

БИБЛИОТЕКА ПИСАТЕЛЕЙ ДЛЯ ШКОЛЫ И ЮНОШЕСТВА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Ф. НИКИТИНОЙ

IV серия

РУССКИЕ КРИТИКИ В МАРКСИСТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

50
7452

5
7.152

Д. И. ПИСАРЕВ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»

МОСКВА — 1929

№ 1110

.....
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТИП.
НАРКОМВОЕНМОРА
ЛЕНИНГРАД
Площадь Урицкого, 10.

Главлит № А 26389.
Тираж 5.000-13 п. л.
Заказ № 156.

*Система и методология...
...
D. T. ...*

СОДЕРЖАНИЕ

I

	Стр.
Хронологическая таблица жизни и творчества Д. И. Писарева	5
<i>Евг. Соловьев (Андреевич)</i> . Д. И. Писарев	7
<i>В. Ф. Переверзев</i> . Нигилизм Писарева в социологическом освещении	39
<i>В. Ф. Переверзев</i> . Эстетические взгляды Писарева	68
<i>Г. В. Плеханов</i> . Белинский, Чернышевский и Писарев	95

II

<i>Д. И. Писарев</i> . Реалисты	115
Его же. Цветы невинного юмора	244
Его же. Пушкин и Белинский («Евгений Онегин»).	308

III

Библиографический указатель марксистской литературы о Д. И. Писареве	417
--	-----

Г. В. ПЛЕХАНОВ

**БЕЛИНСКИЙ, ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
И ПИСАРЕВ**

В своей статье о Державине Белинский говорил: «Задача истинной эстетики состоит не в том, чтобы решить, чем должно быть искусство, а в том чтобы определить, что такое искусство. Другими словами: эстетика не должна рассуждать об искусстве, как о чем-то предполагаемом, как о каком-то идеале, который может осуществиться только по ее теории, нет, она должна рассматривать искусство, как предмет, который существовал давно прежде и существованию которого она сама обязана своим существованием». Это была поистине гениальная мысль, вполне достойная человека, воспитавшегося на Гегелевской диалектике. Однако иное дело мысль, а иное дело ее осуществление. Чтобы решить ту задачу, которую Белинский задавал эстетике, нужно было со всех сторон обнаружить связь искусства с общественной жизнью и уметь объяснить эту последнюю с научной, т.-е. с материалистической, точки зрения. А этого не мог сделать и сам Гегель. Иронически раскладываясь с Гегелевским колпаком, Белинский в своих литературных суждениях стал иногда отклоняться от золотого правила, высказанного им в статье о Державине; он стал подчас рассуждать уже не столько о том, что такое искусство, сколько о том,

чем оно должно быть. Короче: он стал по временам высказываться, как «просветитель». И с этой стороны Чернышевский явился самым замечательным продолжателем его дела. В качестве «просветителя», Чернышевский интересовался гораздо меньше теорией искусства, нежели теми практическими выводами, которые из нее могут быть сделаны. Но философия Фейербаха давала, как ему казалось, возможность примирить практику с теорией; поставить практические соображения о том, чем должно быть искусство, на прочную основу теории, открывающей его истинную сущность. Практическая задача эстетики заключается в реабилитации действительности. Это положение, обоснованное Чернышевским с помощью философии Фейербаха, руководило им во всех его критических отзывах. Это положение само по себе,—т.-е. если отвлечься от той чисто теоретической задачи, которую Белинский давал когда-то эстетике,—не заключает в себе ровно ничего ошибочного. Но, раз признав это положение, позволительно, не греша против логики, спросить себя: да нужна ли для реабилитации действительности именно эстетика, т.-е. наука о прекрасном? Нельзя ли достигнуть той же цели с помощью других наук, например, естествознания? И возможна ли эстетика как наука?

Этими вопросами и занялся Д. И. Писарев. И он решил их, как известно, совсем не в пользу эстетики. Он объявил, что существование эстетики, как науки, не возможно, и что если Чернышевский посвя-

тил свою диссертацию именно эстетике, то он сделал это «только для того, чтобы радикально уничтожить ее и навсегда отрезвить тех людей, которых морочит философствующее и тунеядствующее филистерство»¹.

Против возможности эстетики как науки Писарев выставил следующее соображение, казавшееся ему непоколебимым. «Эстетика, или наука о прекрасном, имеет разумное право существовать только в том случае, если прекрасное имеет какое-нибудь самостоятельное значение, независимое от бесконечного разнообразия личных вкусов. Если прекрасно только то, что нравится нам, и если же вследствие этого все разнообразнейшие понятия о красоте оказываются одинаково законными, тогда эстетика рассыпается в прах. У каждого отдельного человека образуется своя собственная эстетика, и следовательно, общая эстетика, приводящая личные вкусы к обязательному единству, становится невозможной. Автор «Эстетических отношений» ведет своих читателей именно к этому выводу, хотя и не высказывает его совершенно открыто»². Идеалисту это соображение в самом деле должно казаться непоколебимым. Если искусство своими произведениями только напоминает нам о том, что интересно для нас в жизни; если прекрасным существом кажется человеку то существо, в котором он видит жизнь, как он ее понимает, то

¹ Сочинения Д. И. Писарева. Спб. 1894, т. IV, стр. 499.

² Там же, та же стр.

совершенно законным представляется идеалисту тот вывод, что понятие о прекрасном зависит в последнем счете только от личных вкусов, бесконечное разнообразие которых не дает возможности взглянуть на них с научной точки зрения, т.-е. с точки зрения закономерности их развития. Писарев, рассуждавший в этом случае, как чистокровный *идеалист*, упустил из виду только то, что Чернышевский задался целью применить к эстетике материалистическую философию Фейербаха. А для материалиста,—поскольку он остается материалистом и не делает в своих взглядах уступок идеализму,—«мнение» не есть самая глубокая причина перемен, совершающихся в общественной жизни. Перемена и разнообразие «мнений» сами определяются известными переменами в ней. А это дает возможность взглянуть и на развитие мнений с точки зрения закономерности. Как ни разнообразны вообще человеческие мнения, но ошибочно было бы утверждать, что у каждого человека есть свое особое миросозерцание и свои различные взгляды на все общественные явления. Нет, в каждое данное время люди данного класса имеют одинаковое,—в известных пределах,—миросозерцание и, опять-таки в известных пределах, одинаково смотрят на общественные явления. А если внутри данного класса данной эпохи и замечается неодинаковость мнений; если в его собственной среде наблюдаются разные оттенки миросозерцания или происходит борьба старого миросозерцания с новым, то и это обстоятельство, очень не ред-

кое в истории, отнюдь не мешает нам смотреть на развитие мнений с точки зрения науки, т.-е. закономерности, т.-е. необходимости. Сознание людей определяется их бытием; их мнения—их общественными отношениями. Признавая в качестве последователя материалистической философии причинную зависимость сознания от бытия, Чернышевский и доказывает в своей диссертации, что представление о «хорошей жизни», представление о жизни, как она должна быть, лежащее в основе понятия о прекрасном изменяется у людей сообразно с их классовым положением в обществе. Этим он не только не разрушает эстетики как науки, а, напротив, ставит ее на прочное материалистическое основание и, по крайней мере, намечает в общих чертах, где надо искать решения той задачи, которую еще Белинский поставил перед людьми, интересовавшимися теорией эстетики. Правда, Чернышевский наметил решение этой задачи именно только в самых общих чертах и в своей литературной критике он уже к нему не возвращался, занимаясь борьбою с «фантастическими мечтами» во имя «действительности». В своей литературной критике он до конца ногтей был «просветителем» или,—как выражается Писарев, говоря о французских «просветителях» XVIII века,—популяризатором отрицательных доктрин. И тут он, как и в исторических своих рассуждениях, покидал материализм и переходил на идеалистическую точку зрения. Писарев, желавший отстаивать и далее развививать его взгляды—видел в нем *только* «просветителя», т.-е. только иде-

алиста. И потому он в самом деле не мог увидеть в его диссертации ничего, кроме разрушения эстетики. Он не подозревал, да и не мог подозревать, что во взгляде Чернышевского на эстетические отношения искусства к действительности есть своя материалистическая сторона, говорящая в пользу возможности эстетики, как науки. Если бы кто-нибудь указал ему на это, то он, вероятно, сказал бы, презрительно пожав плечами, что в этом случае Чернышевский еще не успел отделаться от шелухи гегелизма, как не умел, в свое время, отделаться от нее Белинский¹.

Писарев, несомненно, развивал дальше взгляды Чернышевского, равно как и Белинского; но он развивал их исключительно с той их стороны, с какой они больше всего грешили идеализмом. Вот пример.

Мы уже знаем, что Чернышевский в своих суждениях о жизни общества очень охотно становился на точку зрения человеческой природы. Но так как природа человека еще ничего не объясняет в общественных явлениях, то Чернышевский, державшийся материалистического взгляда на человеческую природу, обыкновенно вынужден был переходить на почву идеализма и рассуждать, руководствуясь тем принципом, что «мнения правят миром». А когда он рассуждал, руководствуясь этим идеалистическим принципом, ему уж не хотелось вспоминать, что сознание обществен-

¹ См. статью «Пушкин и Белинский». Соч., т. V, стр. 78—79.

ного человека определяется его бытием, и он находил нужным настаивать на том, что все люди совершенно одинаковы по своей природе. В своей статье о сочинениях Н. В. Успенского он приводит сцену, в которой Успенский заставляет дворовую девушку Алену Герасимовну вести с конторщиком Семеном Петровичем такой разговор:

— «Ну, а что у человека внутри есть, Семен Петрович?»

— Внутри-с бывает различно. Это, смотря по тому, кто чем питается: иной продовольствуется мякиной, так у него внутри мякина. А у одного сапожника, говорят, даже нашли при вскрытии подошву с лучиной.

— Страсти какие!.. Объясните мне, пожалуйста, что,—у штатских и у военных внутри одинаково?

— Ну, насчет этого пункта, Алена Герасимовна, можно вам доложить материю. Во-первых, надобно сказать, ничего одинакового нет.

Конторщик подсел к девке и начал свое объяснение»¹.

Чернышевский со своей стороны доказывает, в той же статье, что «внутри у человека одинаково», и приглашает, как мы уже видели, своих читателей забыть, кто светский человек, кто купец, кто мужик, и о каждом судить по человеческой психологии.

Писарев охотно откликается на это приглашение, но делает из него вот какой вывод:

¹ Сочинения, т. VIII, 346.

«Вместо того, чтобы проповедывать голосом вопиющего в пустыне о вопросах народности и гражданской жизни, о которых молчит изящная словесность, обладающая большим тактом, наша критика сделала бы очень хорошо, если бы обратила побольше внимания на общечеловеческие вопросы, на вопросы частной нравственности и житейских отношений. В уяснении этих вопросов нуждается всякий; эти вопросы затемнены и запутаны разным старым хламом, который не мешало бы отодвинуть в сторону, чтобы всем и каждому можно было непредубежденными глазами взглянуть на свет божий и на добрых людей»¹.

Это уже чистая «писаревщина», отличительная черта которой состоит в том, что вопросы «частной нравственности» ее интересуют несравненно больше, нежели вопросы «гражданской жизни». «Писаревщину» считают иногда умственным течением, не имеющим ровно ничего общего с направлением Чернышевского и Добролюбова. Это большая ошибка². На самом

¹ Сочинения Д. П. Писарева, т. I, стр. 347.

² По обыкновению, в деле высказывания ошибочных взглядов на историю нашей мысли рекорд побивает наш историк новейшей русской литературы г. Скабичевский. Он изображает «писаревщину», как сенсуализм, очень похожий на сенсуализм XVIII века. «Подобно тому, как во Франции в эпоху регентства версальские шеголы, маркизы и виконты взапуски шеголяли друг перед другом новизною своих идей, зачитываясь Вольтером и энциклопедистами и находя в их сочинениях полное оправдание своего легкомысленного поведения, ведшего их к крайнему разорению, а затем и под нож гильотины,—нечто подобное видим мы и у нас в шестидеся-

деле она представляет собою не что иное, как ряд вполне правильных, хотя и очень крайних, выводов из некоторых неправильных посылок, выдвигавшихся Чернышевским в тех случаях, когда ему изменял его недостаточно разработанный материализм,—или, если вам угодно, когда он изменял этому материализму,—и он незаметно для себя переходил на идеалистическую точку зрения. Писарев обладал огромным литературным талантом. Но, как ни велико удовольствие, доставляемое непредубежденному читателю литературным блеском его статей, все-таки приходится признать, что «писаревщина» была чем-то вроде приведения к абсурду идеализма наших «просветителей».

Это лучше всего видно на его отношении к вопросу о том, чем отличается поэт от мыслителя.

тые годы, с той разницей, что Вольтера заменяли Фейербах и Бюхнер, а энциклопедистов—Бокль, Льюис, Фохт, Молешотт и пр. Точно так же масса барских сынков, заявляя себя новыми людьми, все новаторство свое высказывала в цитатах из любимых авторов, эффектно отрицании так называемых «авторитетов», пренебрежении к светским обычаям и приличиям и в полной разнузданности каких бы то ни было похотей и прихотей». (Цитированное сочинение, стр. 88). Само собой разумеется, что бывший присяжный критик «Отечественных Записок» не имеет ровнехонько никакого понятия о том, как близка была к «сенсуализму XVIII века» материалистическая философия самого Чернышевского. Но спорить с ним бесполезно. Достаточно подчеркнуть его ошибку только для того, чтобы показать, как не следует писать историю нашей литературы.

Белинский говорил: «Каждое поэтическое произведение есть плод могучий мысли, овладевшей поэтом. Если бы мы допустили, что эта мысль есть только результат деятельности его рассудка, мы убили бы этим не только искусство, но и самую возможность искусства. В самом деле, что мудреного было бы сделаться поэтом, и кто бы не в состоянии был сделаться поэтом по нужде, по выгоде или по прихоти, если бы для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль да и втиснуть ее в придуманную же форму? Нет, не так это делается поэтами по натуре и по призванию! У того, кто не поэт по натуре,—пусть придуманная им мысль глубока, истина, даже свята,—произведение все-таки выйдет мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое, и никого не убедит оно, а скорее разочарует каждого в выраженной им мысли, несмотря на всю ее правдивость! Но между тем, так-то именно и понимает толпа искусство, этого-то именно и требует она от поэтов! Придумайте ей, на досуге, мысль получше, да потом и обделайте ее в какой-нибудь вымысел, словно брильянт в золото. Вот и дело с кондом!»

Это его рассуждение представляет собою лишь новую вариацию той основной его темы, по совершенно верному смыслу которой художник мыслит образами, а не силлогизмами. Но Писарев, утверждающий, что он лишь развивает дальше основные убеждения Белинского, видит в этом различии между поэтом и мыслителем лишь «очень богатую дань тому эстетическому мистицизму, который про-

водит резкую разделительную черту между поэтами и простым смертными»¹. Он находит Белинского глубоко зараженным эстетическим мистицизмом, от которого, по его словам, не совсем уберегся даже Добролюбов. Но он думает, что достаточно одного прикосновения трезвой критики, чтобы рассеять этот «мистический туман». У него выходит, что всякий умный человек, который захочет дать себе труд приобретения известной технической сноровки, может стать поэтом, как может он стать критиком или «вообще словесных дел мастером». Он прямо говорит это: «Такой человек, к которому заходят в голову умные мысли, который умеет задерживать и разрабатывать эти мысли в своей голове и который, посредством упражнения, сделался мастером словесных дел, такой человек, говорю я, может, если только пожелает, сделаться поэтом, т.-е. создать несколько произведений, которые подействуют на читателей так точно, как действуют на них произведения, созданные настоящими, патентованными поэтами»². Что это не так, что не всякий умный человек может сделаться поэтом, этого не нужно доказывать, это очевидно само собой. Но почему же, высказывая эту ошибочную мысль, Писарев думал, что он лишь развивает дальше «основное убеждение» Белинского? Потому что сам Белинский смотрел иногда на искусство с отвлеченной точки зрения «просветителя». Он говорил, например, что «Шекспир все передает через поэзию, но переда-

¹ Соч. Д. И. Писарева, т. V, стр. 69.

² Там же, стр. 71.

ваемое им далеко от того, чтобы принадлежать одной поэзии». Это давало повод думать, что есть какая-то особая область, принадлежащая исключительно поэзии и могущая быть противопоставленной другим областям, которые к поэзии не принадлежат, но могут быть «передаваемы через поэзию». Вот это собственно и думал Писарев, уверяя своих читателей в том, что каждый умный человек может сделаться поэтом. Он, очевидно, хотел сказать, что если не каждый умный человек может стать мастером в собственно поэтической области, то это не беда, так как, выработав из себя словесных дел мастера, умный человек способен многое «передать через поэзию». Если же при этом он все-таки не обнаружит большой силы в собственно поэтической области, то это ему могут поставить в упрек разве лишь филистеры, воспитавшиеся в старых эстетических понятиях, или «полу-эстетики» вроде Белинского, еще не окончательно отделавшиеся от «шелухи гегелизма». Развивая и доказывая эту мысль со свойственным ему жаром и талантом, Писарев имел кажущееся основание думать, что он остается вполне верным критике Белинского. А на самом деле он был, повторяем, верен только слабым сторонам этой критики, только тем ее недостаткам, которые вызывались неразработанностью некоторых ее положений. Так, логическая ошибка, сделанная Белинским в разборе теории чистого искусства, породила то, что представлялось Писареву последним словом отрицательной доктрины.

Если бы Белинский в пылу полемики не изменил своей собственной теории; если бы он помнил, что содержание поэзии—то же, что и содержание философии, и что между поэтом и мыслителем разница лишь в том, что один мыслит образом, а другой силлогизмами, то весь вопрос о теории «чистого искусства» представился бы ему совершенно в другом свете. Он сказал бы тогда, что нет никакой специально поэтической области; что поэзия всегда является отражением общественной жизни и что поэзия, желающая оставаться «чистой», отражает лишь общественный индифферентизм создавшего ее общественного слоя. А если бы он пошел дальше и постарался уяснить себе, чем же вызывается подобный индифферентизм, то он увидел бы, что в разные исторические эпохи индифферентизм этот вызывается весьма различными, и даже прямо противоположными, причинами, но что все они коренятся в общественных отношениях и совсем не имеют непосредственного касательства ни к сущности искусства, ни к его «законам», ни к его технике. Чтобы выяснять все это, Белинскому нужно было бы последовательно применить материалистическую диалектику к изучению эстетического развития человечества. Но при тогдашних русских условиях он не мог сделать это, несмотря на всю свою гениальность. Поэтому мы находим у него лишь элементы материалистического взгляда на искусство. Не будучи в состоянии дать надлежащее развитие этим материалистическим элементам, он в споре с защитниками чистого искус-

ства поневоле хватался за то оружие, какое обыкновенно находится в арсенале «просветителей». А в их арсенале находятся обыкновенно только чисто идеалистические доводы. И эти-то идеалистические доводы, грешившие прежде всего своею отвлеченностью, и легли в основу тех рассуждений Писарева, которые, будучи доведены до своего логического конца, «разрушали» эстетику. Мы сказали выше, что нельзя делать Чернышевского ответственным за Писарева. Теперь мы повторим это в применении к Белинскому: его тоже нельзя винить за поправки, сделанные Писаревым в его литературных взглядах. Но мы пойдем еще дальше и скажем, что не виноват был и сам Писарев, если ему случалось доходить до абсурда (говорим: случалось, потому что он тоже не всегда «разрушал» эстетику): виновата была в этом несостоятельность идеалистического взгляда на искусство, которая в самом деле приводит или к «мистическому туману» теоретиков «чистого искусства», или к более или менее «разрушительным» для эстетики выводам «просветителей». Еще одно слово. Именно потому, что Писарев довел до абсурда некоторые идеалистические послышки наших «просветителей» 60-х годов, он явился отцов нашего пресловутого «субъективного» метода. В статье «Процесс жизни», написанной по поводу книги Карла Фохта «Physiologische Briefe», он говорил:

«Естественные науки не то, что история, совсем не то, хоть Бокль и пытается привести их к одному знаменателю. В истории все дело в воззрении, в гу-

манной личности самого писателя; в естественных науках все дело в факте... История есть осмысление события с личной точки зрения автора; каждая политическая партия может иметь свою всемирную историю и действительно иметь ее, хотя, конечно, не все эти истории записаны, точно так же, как всякая философская школа имеет свой философский лексикон. История есть и всегда будет теоретическим оправданием известных практических убеждений, составившихся путем жизни и имеющих свое положительное значение в настоящем. Об естественных науках этого, конечно, нельзя сказать; природе нет никакого дела до того, как вы о ней думаете; если вы ошиблись, она вас помнет или совсем раздавит, как помнет или раздавит вас колесо огромной машины, к которой вы подошли слишком близко во время ее полного хода»¹.

Поставьте в этой выписке слово «социология» вместо слова «история»—и вы получите теоретическое обоснование пресловутого «субъективного» метода. В своем противопоставлении истории естествознанию Писарев повторял ту же теоретическую ошибку, которая привела его к «разрушению эстетики». Он упустил из виду, что сознание определяется бытием и что если история есть и всегда будет теоретическим оправданием известных практических убеждений, то практические убеждения не падают с неба, а обуславливаются известными обще-

¹ Там же, стр. 310—311.

ственными отношениями, развитие которых так же закономерно, как развитие животных и растительных видов. На этой же теоретической ошибке основывалась вся мнимая социологическая премудрость наших субъективистов во главе с Н. Михайловским. Г. Скабичевский этого, как водится у него, не заметил потому, относясь отрицательно к «разрушительным» подвигам Писарева в области эстетики, он с восторгом отзывался о «субъективных» открытиях Михайловского. «Его статьи о Спенсере, о Дарвине и вообще по социологии,—говорит он,—имеют не одно только публицистическое значение, а представляют целый вклад в науку, и если бы их перевести на один из иностранных языков, они не замедлили бы доставить автору их общеевропейскую известность»¹.

Некоторые социологические статьи Михайловского переведены теперь на французский и, если не ошибаясь, на немецкий язык. Большой европейской известности они его имени, надо думать, никогда не доставят. Но очень возможно, что они удостоятся похвал со стороны того или другого из тех европейских мыслителей, которые пятятся «назад к Канту»! Из ненависти к марксизму. В таких похвалах, вопреки мнению нашего новейшего историка литературы, не может быть ничего лестного. Но в высшей степени достойна замечания эта ирония истории, превращающей в теоретическое орудие реакции то, что было

¹ Цитированное сочинение, стр. 120.

невинною теоретическою ошибкою в более или менее прогрессивном утопизме.

В заключение мы считаем необходимым сделать следующую, весьма существенную, как нам кажется, оговорку.

Если «люди 60-х годов» смотрели на художественную литературу глазами «просветителей», т.-е. требовали от нее прежде всего «приговоров о явлениях жизни», то это еще не значит, что они были лишены художественного чутья. Этого нельзя сказать, по крайней мере, об их наиболее выдающихся и наиболее блестящих представителях, какими были Чернышевский, Добролюбов и Писарев. В сочинениях каждого из них,—и иногда именно там, где они дальше всего заходят в своей рассудочности,—можно встретить самые несомненные свидетельства о тонкости их литературного вкуса. Возьмем хотя бы Писарева. В той же самой статье, где он доходит, можно сказать до Геркулесовых столбов рассудочности, он бросает мимоходом следующий отзыв: «Подводный камень», роман, стоящий по своему литературному достоинству ниже всякой критики, имеет громкий успех, а «Детство, отрочество и юность» графа Л. Толстого, вещь замечательно хорошая по тонкости и верности психологического анализа, читается холодно и проходит почти незамеченной»¹. Этот отзыв о художественном произведении Толстого, т.-е. человека совершенно чуждого всех тех общественных

¹ Соч. Д. И. Писарева, т. III, стр. 270.

и личных вопросов, которые так сильно волновали «людей 60-х годов», показывает, что Писарев мог бы быть хорошим «эстетическим» критиком. Подобные отзывы мы могли бы найти даже в тех его статьях, в которых он так старательно развенчивает Пушкина. Даже и в этих статьях видно, что, решительно восставая против «филистерских» *взлядов* «нашего маленького и миленького Пушкина», Писарев сознавал прелесть *формы* его произведений ¹.

¹ Собрание сочинений Г. В. Плеханова, т. V, стр. 349—359.

УКАЗАТЕЛЬ МАРКСИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
о Д. И. ПИСАРЕВЕ

- Базаров, В. А.** Из истории просветительства. — «Правда» 1904 г. VI, 105—126. VII, 113—127. VIII, 81—95—Д. И. Писарев.
- Засулич, В. И.** Дмитрий Иванович Писарев. «Научное Обозрение» 1900 г. III, 462—479. IV, 741—755. VI, 1068—1085. VII, 1194—1211 (подпись Н. Карелин). Сборник статей, изд. Рутенберг. СПб. 1907—«Писарев и Добролюбов», стр. 221—311.
- Боган, И. С.** Д. И. Писарев (к 35-летию со дня рождения). «Веч. Москва». 1925 г., № 236, 15 октября.
- Бранихфельд, В. Б.** Дмитрий Иванович Писарев (1840—1868). «История русской литературы XIX в.» под ред. Овсяннико-Куликовского. Т. III, 218—232.
- Львов-Рогачевский, В. Л.** Лихой барабанщик (Д. И. Писарев (1840—1868)). «Объединение». 1918 г. XII—XIII, 9—11.
- Назаренко, Я. А.** История русской литературы XIX в. Изд. 2-е. ГИЗ. 1926 г., стр. 432—«Д. И. Писарев».
- Назаренко, Я. А.** История русской литературы XIX в. Изд. 3-е. ГИЗ. 1927 г. («Критика и публицистика»: Чернышевский, Добролюбов и Писарев), стр. 135—139.
- Назаренко, Я. А.** То же, Изд. 4-е.
- Неведомский, М.** (М. П. Миклашевский). Д. И. Писарев. Статья в книге: Д. И. Писарев. «Пушкин и Белинский». «Классики русской литературы» № 72. ГИЗ. М. 1923 г. Стр. 3—56.
- Переверзев, В. Ф.** Нигилизм Писарева в социологическом освещении. «Красная Новь». 1926 г. VI, стр. 162—175.
- Переверзев, В. Ф.** Эстетические взгляды Писарева. — «Печ. и Рев.» 1926 г., кн. VII, стр. 5—17.
- Плеханов, Г. В.** Сочинения, т. V. ГИЗ. 1924 г. «Белинский Чернышевский и Писарев». Стр. 349—359.
- Соловьев, Е. (Андреевич).** Белинский в потомстве. «Научное Обозрение». 1898 г. Кн. V, 861—878. «Писарев»
- Соловьев, Е. (Андреевич).** Очерки из истории русской литературы. Стр. 312—330. «Писарев».

П. 1925 г.

Акт РК-315

85/68